

УДК 316

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет

culture@kubsu.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

darya.maksimovich@gmail.com

Valery V. Kasyanov

Doctor of Social Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, head of chair of history of Russia Kuban state University

culture@kubsu.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology, Professor of department of judicial examination and criminalistics of the Rostov state economic university (RINH)

darya.maksimovich@gmail.com

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ**

HISTORICAL MEMORY AND NATIONAL SECURITY

Аннотация. В статье исследуется феномен исторической памяти, механизмы и агенты его конструирования. Отмечается, что историческая память сопряжена с постоянными спорами и даже конфликтами, выходящими и на политический уровень. Поэтому уместно говорить о том, что историческая память связана с поддержанием национальной безопасности, понятой в широком смысле обеспечения благополучия нации, невозможного в ситуации острых идейных конфликтов. Однако в ситуации мировоззренческого плюрализма и отсутствия монополии на «производство памяти» достижение согласия по поводу исторического прошлого возможно лишь на путь общественной дискуссии, которая едва ли когда-нибудь найти окончательное завершение. Но весьма значимую роль в этих дискуссиях играет историческая политика, осуществляемая государством.

Ключевые слова: историческая память, историческая политика, коллективная память, культурная память, идеология.

Abstract. The article explores the phenomenon of historical memory, the mechanisms and agents of its construction. It is noted that historical memory is associated with constant disputes and even conflicts that go to the political level. Therefore, it is appropriate to say that historical memory is associated with maintaining national security, understood in the broad sense of ensuring the well-

being of the nation, which is impossible in a situation of acute ideological conflicts. However, in a situation of worldview pluralism and the absence of a monopoly on the “production of memory”, reaching an agreement on the historical past is possible only along the path of public discussion, which will hardly ever find a final conclusion. But a very significant role in these discussions is played by the historical policy pursued by the state.

Keywords: *historical memory, historical politics, collective memory, cultural memory, ideology.*

Понятие «историческая память» восходит к более ранним исследованиям социальной и культурной памяти. Исходными следует считать исследования М. Хальбвакса, посвященные феномену коллективной памяти. Находясь в русле дюркгеймской социологической традиции, Хальбвакс рассматривал память отдельного индивида как результат множества социальных влияний, то есть, индивидуальная память имеет социальную природу. Хальбвакс вводит понятие «коллективная память», причем рассматривает её как социальный конструкт, создаваемый и поддерживаемый социальными группами [1].

Большой вклад в развитие исследований коллективной памяти внес Я. Ассман, который разработал концепцию культурной памяти, он же обозначил необходимость такого направления исследований как «история памяти». Культурную память он отличает от коммуникативной [1]. Коммуникативная память – это живая память, существующая в процессе непосредственного взаимодействия индивидов [3]. Культурная память существует в символических репрезентациях, она выходит за рамки индивидуальной памяти и воплощается в мемориальных объектах, текстах, ритуалах.

Культурная память сохраняет только наиболее значимые события, как правило, мифического характера, эти события важны для сохранения единства группы и нормативной регуляции. В исследованиях коллективной памяти большой вклад внесли также П. Рикёр [4], П. Нора [5], Д. Лоуэнталь [6] и целый ряд других авторов. В современных исследованиях понятия «коллективная память», «культурная память», «социальная память», «историческая память» не всегда имеют одинаковые значения.

Приобретшее популярность с 90-х гг. XX века понятие «историческая память» не имеет однозначного определения. Но, чаще всего, под исторической памятью понимается своеобразная символическая репрезентация истории в массовом и индивидуальном сознании. Историческая память включает образы, символы, события, мифологемы, которые по каким-либо причинам приобрели особое значение. Историческая память – часть культурной памяти, связанная, однако, с осмыслением исторических событий, а также, зачастую, с их идеологизацией или мифологизацией. Историческая память не формируется абсолютно стихийно, она связана и с исторической наукой, и с политической деятельностью [7].

Историческая память представляет собой канал трансляции знаний о прошлом, она также составляет фундамент коллективной идентичности и идентичности индивидов, она не только определяет отношение к прошлому, но и задает ориентиры поведения в настоящем. Историческая память позволяет индивиду ощутить себя частью превосходящей его общности, стать звеном в цепи поколений, что придает смысл отдельному человеческому существованию. Благодаря исторической памяти индивидуальное «Я» оказывается способным к своеобразному трансцендированию во времени.

Историческая память может становиться причиной политических и социальных конфликтов, вплоть до войн. Сохраняющиеся в исторической памяти обиды «взывают к мести» через много поколений, интересно, что взрывной эффект могут оказывать и воспоминания почти исчезнувшие, но становящиеся вдруг актуальными в какой-то момент. Разное отношение к тем или иным историческим событиям, сохраненным исторической памятью, способно раскалывать общество, потому достижение согласия по поводу основных исторических событий, важных для общества, представляет собой весьма актуальную задачу.

В отношении национальной культуры историческая память выступает как один из весьма значимых элементов. Собственно, выстраивание определенных исторических нарративов и означало формирование национальных культур и национального самосознания, то есть формирование национальных культур и формирование исторической памяти наций – это неразрывные переплетающиеся процессы. Поскольку нации – это политические сообщества, базирующиеся на общности национальной культуры и общем прошлом [8], выработка нарратива об этом прошлом является не только историко-научной, но и политической задачей, потому всё больше внимания уделяется сегодня политике памяти, исторической политике, культурной политике и т.д.

Значимость всех этих видов политики, нацеленной на формирование и укрепление коллективных идентичностей, возросла на исходе XX века, чему были определенные причины. Постмодернистская критика «метанарративов», как и политические процессы, связанные с распадом «социалистического лагеря» и идеологической гомогенизацией мира в результате универсального распространения либерализма уже не просто как политической идеологии, а как идейной и экономической парадигмы глобализации, вызвали к жизни кризис коллективных идентичностей практически во всех уголках мира, включая и западные общества, которые также находятся под воздействием глобализационных процессов – от экономических до миграционных [9], ставящих под вопрос и национальные границы, и национальные культуры и национальные политические ценности. Неопределенность мировоззренческих ориентиров, ослабление прежних политических идеологий, и в то же время – стремление отстоять культурную специфику, превратили историю в один из немногих оставшихся источников ориентации, но при этом переосмысливаются унаследованные от «жесткого

модерна» исторические нарративы. Само понятие «историческая память» является, в какой-то степени, следствием этого переосмысления. Ведь историческая память не тождественна историческому знанию, хотя и ориентируется на него. Это - гораздо менее объективное знание, включающее в себе эмоциональную и мифологическую составляющую, знание, которое обладает значением не просто факта, а переживаемого опыта, часто травматичного. Неслучайно, проблема исторической памяти в современных дискуссиях нередко обсуждается наряду с понятием «травмы», как коллективной, так и индивидуальной [10]. Однако историческая память несет в себе и образы событий, вызывающих гордость и радость.

В российском обществе, как и на всем постсоветском пространстве, происходят глубокие и противоречивые процессы формирования новой модели исторической памяти, причем эти процессы отчасти являются стихийными, отчасти – управляются различными политическими субъектами: от, собственно, государства до различных политических деятелей и группировок, вплоть до маргинальных. На институциональном уровне формирование исторической памяти связано, в первую очередь, с образованием, именно школа формирует матрицу восприятия исторического прошлого, расставляет вехи, выделяет значимых персонажей и поворотные события истории того или иного государства.

Важной структурой, формирующей историческую память, являются музеи, которые в условиях современного общества всё более переходят от принципа «информирования» посетителя о тех или иных событиях или эпохах, к созданию особой атмосферы, способствующей переживанию посетителями определенного эмоционально окрашенного опыта. Наряду с музеями, большое значение имеют памятные места, являющиеся объектами интереса и даже коммерческого освоения.

Значительная роль в формировании исторической памяти принадлежит искусству и литературе, кинематографу, причем, как в массовом, так и в элитарном варианте. И, наконец, в современных обществах, вся символическая сфера пронизана воздействием СМИ, которые также являются важнейшим фактором, воздействующим на историческую память. Именно СМИ сегодня делают доступными для массовой аудитории символические репрезентации прошлого, которые потом и составляют представление о ней обычного человека [11]. Литература и тем более научные публикации, несмотря на их значимость, уступают по охвату аудитории СМИ, кроме того, СМИ часто выступают посредниками между специализированным знанием и массовыми представлениями, в том числе и об истории. Появление Интернета радикальным образом изменило ситуацию с распространением информации, в том числе, исторического (или псевдоисторического) характера, что, в свою очередь, повлияло на механизмы формирования исторической памяти – прежде всего, беспрецедентно расширился круг участников этого процесса, и теперь он охватывает не только специалистов, но и всех, интересующихся историей –

как в научном ее варианте, так и в лженаучном. Кроме того, Интернет предоставляет новые возможности для обсуждения тех или иных тем всеми, кто желает участвовать в таком обсуждении. В российском сегменте мировой сети существует множество сетевых сообществ [12], посвященных истории, их участники делятся не только информацией, но и постоянно обсуждают те или иные исторические вопросы. Сами эти дискуссии становятся механизмом формирования исторической памяти. Конечно, следует отметить и такой очевидный эффект Интернета как доступность огромного массива исторических материалов, которые индивид может использовать, руководствуясь собственными убеждениями и целями.

Итак, в формировании исторической памяти принимают участие политические деятели, ученые, интеллектуалы, журналисты и творческие деятели самого разного плана. Но в формировании исторической памяти участвуют и обычные граждане, заинтересованные в истории своей семьи, предков, истории края, «малой родины». На основе инициативы таких граждан могут возникать различные общественные организации и общественные инициативы, связанные с увековечиванием каких-то дат, мест, событий, памяти отдельных людей

В формировании исторической памяти участвуют и религиозные организации – от доминирующих традиционных конфессий до разнообразных «новых религий».

Интересно отметить, что новые религии особого толка – прежде всего, неоязыческие, - пытаются конструировать собственные варианты истории – и соответственно исторической памяти, возрождают или создают собственные памятные места, легенды, сказания, родословные. Их конструкции очень далеко отстоят от научного знания, тем не менее, такие попытки представляют собой интересный пример нынешнего многообразия подходов к видению прошлого и попытки изменить это прошлое – «изменить» в смысле создания собственного мифоисторического нарратива, иной версии исторической памяти.

Доминирующие религиозные организации также вносят вклад в формирование исторической памяти, многие исторические памятники, достопримечательности, знаковые исторические персонажи связаны с религией, история религиозных организаций тесно переплетена с историей общества. В условиях современной десекуляризации религиозные сообщества всё активнее заявляют о своем присутствии в публичном пространстве, и их отношение к истории общества тоже становится частью исторической памяти. Если обратиться к российскому опыту, то такие события, как расстрел царской семьи или разрушение Храма Христа-Спасителя уже стали элементами исторической памяти постсоветского российского общества, однако интерпретируются по-разному различными группами верующих, а также верующими и неверующими россиянами.

Многообразие участников процесса формирования и поддержания исторической памяти создает парадоксальную ситуацию, когда у общества

нет единого представления о своей истории, что отличается от еще относительно недавнего прошлого, когда различные нации имели о нем более или менее общее представление, и профессиональные дискуссии историков не очень влияли на массовые установки.

Сегодня историческая память сопряжена с постоянными спорами и даже конфликтами, выходящими и на политический уровень. Именно поэтому уместно говорить о том, что историческая память связана с поддержанием национальной безопасности, понятой в широком смысле обеспечения благополучия нации, невозможного в ситуации острых идейных конфликтов. Однако в ситуации мировоззренческого плюрализма и отсутствия монополии на «производство памяти» достижение согласия по поводу исторического прошлого возможно лишь на пути общественной дискуссии, которая едва ли когда-нибудь найти окончательное завершение, что соответствует подвижной природе исторической памяти и историчности как базовой характеристике человеческого существования в мире.

В постсоветской России отношение к истории и определенным историческим событиям и персонажам едва ли не замещает собственно идеологические различия, которые с трудом прослеживаются в современной российской политической культуре, где сложно обнаружить левых, либералов и консерваторов в западном значении терминов, да и в западных обществах эти идеологии давно утратили четкость и определенность, распавшись на множество течений и потеряв связь с какими-то определенными социальными группами.

Российское общество, точнее различные представители этого общества, идейно самоопределяется на основе отношения к прошлому, то есть на основе разных версий исторической памяти, разном отношении к событиям прошлого. Несмотря на многообразие взглядов на исторический путь страны и множество субъектов, вовлеченных в дискуссии по этому вопросу, основную роль в формировании видения истории, по крайней мере, в России, играет государство, которое заинтересовано и в обеспечении интеграции общества, и в поддержании собственной легитимности. Прошлое выступает в качестве важного ресурса не только для легитимации сложившейся системы в целом, но и для отдельных политических решений.

Обращаясь к прошлому для обоснования своих действий и решений, политики, так или иначе, занимаются его конструированием. При этом отбираются не все события, а лишь те, которые относительно хорошо известны населению, имеют особую эмоциональную значимость, причем как позитивную, так и негативную. В зависимости от целей политической деятельности можно апеллировать к событиям, являющим «величие нации», а можно, - напротив, к тем, которые ассоциируются с поражением, чтобы стимулировать определенного рода массовый отклик.

Российская власть в постсоветский период также столкнулась с необходимостью выработки определенной исторической политики, потребность в этом определялась исчезновением СССР и ослаблением

влияния того исторического нарратива, который был выстроен в советскую эпоху. С той же проблемой столкнулись все бывшие республики СССР. Необходимо было переосмыслить и по-новому структурировать имеющийся исторический опыт, причем это переосмысление нередко превращалось в радикальный пересмотр, события, представляемые ранее исключительно в позитивном ключе, меняли своё значение на противоположное. Тут хорошим примером может быть отношение к октябрьской революции 1917 года, бывшей важнейшей вехой исторической памяти в советские годы.

В 1990-е гг. историческая политика российской власти строилась, главным образом, на критике прошлого опыта, то есть имела негативный характер. Критиковался, в первую очередь, советский период истории, поскольку именно его недостатки привели к необходимости радикальных политических и экономических реформ. Важной темой была критика тоталитаризма, необходимость разрушения которого оправдывала травматичные реформы. Радикальным образом менялась государственная символика, при этом возникала проблема выработки новых символов и новых ключевых исторических событий.

Однако тотально критичное отношение к советскому прошлому на фоне реального ухудшения качества жизни большинства россиян вызывало отторжение и среди интеллектуалов, настроенных оппозиционно по отношению к правящему режиму, стал формироваться апологетический дискурс, оправдывающий советский период даже в наиболее негативных его проявлениях. Отношение к Сталину и репрессиям 30-х гг. XX в. до сих пор разделяет российское общество.

Осознание того факта, что только лишь отрицание советского опыта, особенно в проблемной ситуации социально-экономического транзита привело к попыткам выстроить компромиссную модель, в которой большую роль играла Великая Отечественная война. В начале 1990-х гг. предпринимались попытки изменить сложившиеся практики празднования, но к середине 1990-х вернулись к привычному варианту, а Красное Знамя победы было специальным Указом президента закреплено в качестве элемента государственной символики. Были предприняты попытки смягчить отторжение революционных событий в 1996 г. 7 ноября было переименовано в День примирения и согласия. Тем не менее, общий настрой исторической политики эпохи Б.Н. Ельцина был отмечен критицизмом по отношению к российскому прошлому, но отсутствием внятной и популярной новой символики, которые могли бы компенсировать утрату прежней модели прошлого, закрепившейся в исторической памяти с советских времен.

Эта проблема не решена до сих пор. В период, последовавший после прихода на пост Президента В.В. Путина, отмеченный большим вниманием к исторической политике, происходит заметный поворот к реабилитации советского прошлого, в какой-то степени это можно рассматривать, как результат неспособности выработать какие-то альтернативные символические модели репрезентации исторического опыта. С другой

стороны, частичная реабилитация советского прошлого сопровождалась стремлением вернуть целостность российской истории, сделав ее центром развитие российской государственности, потому советский период превращался в часть это «тысячелетней» (В. Путин) истории, как и нынешний этап развития российского общества. Таким образом, в исторической политике акцент был сделан на ценность государства. В этот период продолжает усиливаться значимость Великой Отечественной войны как события коллективной памяти и повод для национальной гордости. Опросы свидетельствует, что для россиян 9-е Мая является одним из самых значимых праздников. Меняется праздничная символика, возрастает значение личного участия в праздничных мероприятиях, появляются новые практики выражения причастности к прошлому («Бессмертный полк»). Но при этом большинство «знаковых» событий советского периода: революция, коллективизация, индустриализация, национальная политика не имеют однозначной оценки, и общей модели исторической памяти в российском обществе до сих пор не существует. Зато можно констатировать несомненный рост интереса к истории – семейной, региональной, общенациональной и мировой, и это характерно не только для России. Само распространение понятия исторической памяти говорит о фиксации исследователями нового ощущения истории – как чего-то экзистенциально необходимого современному человеку, испытывающему кризис индивидуальной и коллективной идентичности.

Литература:

1. Хальбвакс М. *Социальные рамки памяти*. М., 2007.
2. Kasyanov V.V., Chapurko T.M., Ibrahim M.S., Klimenko T.M., Merzakanov S.A., Samygin S.I. *SUBJECTS OF A CIVIL DIALOGUE IN THE RESOLUTION OF INTER-ETHNIC CONFLICTS IN SOCIETIES WITH ETHNO-CULTURAL DIVERSITY. Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores*. 2019. T. 6. № S6. С. 144.
3. Рикёр П. *Память, история, забвение*. М., 2004.
4. Нора П. *Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа*. М., 2005.
5. Лоуэнталь Д. *Прошлое – чужая страна*. СПб., 2004.
6. Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V., Gafiatulina N.Kh., Gluzman I.V., Polivina M.A., Gnatyuk M.A., Ramazanov R.O. (2019). *The Role of Trust in the Formation of Ethnic Tolerance and Social Health in the Modern Russian Society. Revista Inclusiones*. 2019. Vol. 6. No 2. Pp. 296-305.
7. Shchukina E.L., Vorobyeva E.V., Lubsky A.V., Kasyanov V.V., Solodovnik L.V. *CULTURE AS AN ELEMENT OF "SOFT POWER" IN THE CONDITIONS OF GEOPOLITICAL COMPETITION. Man in India*. 2016. T. 96. № 10. С. 3817-3829.
8. Vladimir Gryshai, Natalya Gafiatulina, Valery Kasyanov, Irina Velikodnaya, Sergei Kosinov, Nikolay Lyubetsky, Sergey Samygin *SOCIAL HEALTH OF YOUTH IN THE CONTEXT OF MIGRATION PROCESSES IN*

RUSSIA: ASSESSMENT OF THE THREAT TO NATIONAL SECURITY (2018) // Herald National Academy of Managerial staff of culture and arts. №2. P. 141-145. <http://heraldnamsca.in.ua/index.php/hnamsca/article/view/310>.

9. Щербакова Л.И., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. **СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ** // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6-7. С. 90-96.

10. Касьянов В.В. **ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК НОВЫЙ - "СТАРЫЙ" СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН** / В сборнике: РЕКЛАМА, МАРКЕТИНГ, PR: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРИРОВАННЫХ КОММУНИКАЦИЙ *Материалы I Международной научно-практической конференции.* 2018. С. 6-12.

11. Касьянов В.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. **КРЫМ И РОССИЯ: ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ** // Национальное здоровье. 2018. № 3. С. 147-152.

12. Касьянов В.В., Эгильский Е.Э., Самыгин С.И. **НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РОСТ В 60-Х - 80-Х ГОДАХ XX ВЕКА** // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 11. С. 40-45.

Literature:

1. Halbwax M. *Social framework of memory.* M., 2007.
2. Kasyanov V.V., Chapurko T.M., Ibrahim M.S., Klimenko T.M., Merzakanov S.A., Samygin S.I. **SUBJECTS OF A CIVIL DIALOGUE IN THE RESOLUTION OF INTER-ETHNIC CONFLICTS IN SOCIETIES WITH ETHNO-CULTURAL DIVERSITY.** *Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores.* 2019. T. 6. № S6. С. 144.
3. Ricoeur P. *Memory, history, oblivion.* M., 2004.
4. Nora P. *World celebration of memory // Memory of the war 60 years later.* Russia, Germany, Europe. M., 2005.
5. Lowenthal D. *The past is a foreign country.* St. Petersburg, 2004.
6. Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V., Gafiatulina N.Kh., Gluzman I.V., Polivina M.A., Gnatyuk M.A., Ramazanov R.O. (2019). *The Role of Trust in the Formation of Ethnic Tolerance and Social Health in the Modern Russian Society.* *Revista Inclusiones.* 2019. Vol. 6. No 2. Pp. 296-305.
7. Shchukina E.L., Vorobyeva E.V., Lubsky A.V., Kasyanov V.V., Solodovnik L.V. **CULTURE AS AN ELEMENT OF "SOFT POWER" IN THE CONDITIONS OF GEOPOLITICAL COMPETITION.** *Man in India.* 2016. T. 96. № 10. С. 3817-3829.
8. Vladimir Gryshai, Natalya Gafiatulina, Valery Kasyanov, Irina Velikodnaya, Sergei Kosinov, Nikolay Lyubetsky, Sergey Samygin **SOCIAL HEALTH OF YOUTH IN THE CONTEXT OF MIGRATION PROCESSES IN RUSSIA: ASSESSMENT OF THE THREAT TO NATIONAL SECURITY (2018) // Herald National Academy of Managerial staff of culture and arts. №2. P. 141-145.**

<http://heraldnamsca.in.ua/index.php/hnamsca/article/view/310>.

9. Shcherbakova L.I., Gafiatulina N.Kh., Samygin S.I. SOCIAL HEALTH OF RUSSIAN YOUTH IN THE LIGHT OF THE THEORY OF SOCIO-CULTURAL INJURY // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2017. No. 6-7. S. 90-96.

10. Kasyanov V.V. VIRTUAL SPACE AS NEW - "OLD" SOCIO-CULTURAL PHENOMENON / *In the collection: ADVERTISING, MARKETING, PR: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF INTEGRATED COMMUNICATIONS Materials of the I International Scientific and Practical Conference*. 2018.S. 6-12.

11. Kasyanov V.V., Kovalev V.V., Samygin S.I. CRIMEA AND RUSSIA: UNITY AND THE FIGHT AGAINST OPPOSITIONS // *National Health*. 2018. No. 3. P. 147-152.

12. Kasyanov VV, Egilsky E.E., Samygin S.I. NEW RELIGIOUS MOVEMENTS IN THE WESTERN COUNTRIES: ORIGIN AND GROWTH IN THE 60S - 80S OF THE XX CENTURY // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2017. No. 11. P. 40-45.